

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.140-164>
EDN: NZZRBK

УДК 902.2

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ СРЕДНЕВЕКОВЫХ МАВЗОЛЕЕВ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

В.А. Иванов

*Башкирский государственный педагогический
университет им. М.Акумоллы
Уфа, Российская Федерация
ivanov-sanych@inbox.ru*

Резюме. Цель статьи: показать, что золотоордынские мавзолеи (кэшэнэ) Южного Предуралья – Хусейн-бека, Тура-хана, Бэндэбике, Кесене («Башня Тамерлана») – принадлежат не только к разным архитектурным школам, но и относятся к разным этнокультурному и географическому пространствам.

В этой связи поставлены следующие задачи: показать, что кэшэнэ Бэндэбике и «Башня Тамерлана» относятся к многочисленной группе т.н. степных кирпичных мавзолеев, сооруженных в степях Заволжья и Южного Предуралья по канонам среднеазиатской архитектурной школы. Возведенные во второй половине – конце XIV в. (или даже в начале XV в.) они были предназначены для увековечения памяти представителей элиты золотоордынских кочевников. В отличие от кирпичных, каменные мавзолеи-кэшэнэ Хусейн-бека, Тура-хана, Малый кэшэнэ сооружены были по канонам болгарской архитектуры в лесостепных районах долины р.Демы, на территории обитания в XIV в. носителей чияликской культуры.

Материалы исследования: в исследовании используются географические, археологические и фольклорные данные о мавзолеех-кэшэнэ Южного Предуралья, полученные исследователями XVIII–XX вв.

Результаты и научная новизна: география распространения кирпичных мавзолеев в степях Заволжья и Предуралья показывает, что по времени своего сооружения они могли появляться у золотоордынских кочевников ещё в то время, когда язычество не было окончательно вытеснено исламом (имеются многочисленные кочевнические погребения с монетами Узбека и более поздних правителей). Таким образом, мавзолеи, возводимые над могилами кочевой элиты, становились органичной частью культуры кочевников Золотой Орды.

Каменные мавзолеи Предуралья к кочевнической культуре отношения не имели. Сооружались они в этнокультурном пространстве и на территории расселения полукочевых носителей чияликской культуры (иштяков-угров). Центрами мусульманских кладбищ они становились поздно, не ранее XVII в., когда «чияликцы» уже были ассимилированы тюркскими предками дёмских башкир-минцев/мингцев. Поэтому в исторической памяти их потомков, башкир XVIII–XIX вв., каменные кэшэнэ Хусейн-бека и Тура-хана обросли преданиями и легендами, сюжеты и персонажи которых к этнокультурной истории башкир не имеют прямого отношения.

© Иванов В.А., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: золотоордынские мавзолеи, кэшэнэ, Заволжье, Приуралье, Хусейн-бек, Тура-хан

Для цитирования: Иванов В.А. Этнокультурный ландшафт средневековых мавзолеев Волго-Уралья // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 1. С. 140–164. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.140-164> EDN: NZZRBK

ETHNOCULTURAL LANDSCAPE OF MEDIEVAL MAUSOLEUMS IN THE VOLGA-URALS

V.A. *Ivanov*

*Akmulla Bashkir State Pedagogical University
Ufa, Russian Federation
ivanov-sanych@inbox.ru*

Abstract. The purpose of the study: To show that the Golden Horde mausoleums (keshene) of the Southern Cis-Urals – Husein-bek, Tura Khan, Bendebike, Kesene (Tamerlane’s Tower) – belong not only to different architectural schools, but they also belong to different ethnocultural and geographical spaces.

In this regard, the following tasks were laid out: To show that the Keshene Bendebike and the “Tower of Tamerlane” belong to a large group of so-called. steppe brick mausoleums built in the steppes of the Volga and Southern Urals according to the canons of the Central Asian architectural school. Erected in the second half to the end of the 14th century (or even at the beginning of the 15th century), they were intended to perpetuate the memory of representatives of the elite of the Golden Horde nomads. Unlike the brick ones, the stone mausoleums-keshene of Husein-bek, Tura Khan, Small Keshene were built according to the traditions of Bulgarian architecture in the forest-steppe regions of the Dema River valley, a territory inhabited in the 14th century, by carriers of the Chiyalik culture.

Research materials: The study uses geographical, archaeological, and folklore data on the keshene mausoleums of the Southern Cis-Urals obtained by researchers of the 18th–20th centuries.

Results and scientific novelty: The geography of the distribution of brick mausoleums in the steppes of the Volga and Cis-Ural regions shows that, based on the time of their construction, they could have appeared among the Golden Horde nomads even at a time when paganism was not completely supplanted by Islam (there are numerous nomadic burials with coins of Uzbekistan and later rulers). Thus, mausoleums erected over the graves of the nomadic elite became an organic part of the culture of the nomads of the Golden Horde.

The stone mausoleums of the Cis-Urals had nothing to do with nomadic culture. They were built in the ethnocultural space and on the territory of settlement of semi-nomadic carriers of the Chiyalik culture (Ishtyak-Ugrians). They became centers of Muslim cemeteries quite late – not earlier than the 17th century – when the “Chiyaliks” were already assimilated by the Turkic ancestors of the Dem Bashkir-Mings/Mings. Therefore, in the historical memory of their descendants, the Bashkirs of the 18th–19th centuries, the stone keshenes of Husein-bek and Tura Khan were overgrown with traditions and legends, the plots and characters of which are not directly related to the ethnocultural history of the Bashkirs.

Keywords: Golden Horde mausoleums, keshene, Trans-Volga region, Urals, Husein-bek, Tura-khan

For citation: Ivanov V.A. Ethnocultural Landscape of Medieval Mausoleums in the Volga-Urals. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 1, pp. 140–164. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.140-164> (In Russian)

В настоящее время в степях Заволжья и Южного Предуралья известно около 40 каменных, кирпичных и сырцовых мавзолеев, относящихся к золотоордынскому времени. Большинство из них подверглись детальному археологическому и историко-архитектурному исследованию [21, с. 100–120, 137–142, 169–172; 9, с. 7–32; 18]. Основная масса мавзолеев разбросана по степи, причем на значительном удалении друг от друга. Исключение составляют мавзолеи, расположенные в окрестностях двух столиц Золотой Орды – Сарай ал-Махруса (Селитренное городище) и Сарай ал-Джедид (Царевское городище) (рис. 1). В целом мавзолеи Заволжья и Южного Предуралья датируются XIV – нач. XV вв. Для отдельных мавзолеев предлагаются и более конкретные даты их сооружения: мавзолеи города Булгара – конец XIV – начало XV вв.; мавзолей №1 города Мохши – конец XIV в.; мавзолей Укека – начало XIV в.; мавзолей у с.Царевщина – вторая половина XIV в.; мавзолеи Водянского городища – середина XIV в.; мавзолеи у пос. Комсомольский (Астраханская обл.) – XIII (№2) и XIV (№1) вв. [21, с. 106, 110, 112, 114, 118]. Ряд сырцовых мавзолеев – Мокринский, Царев (к.59), Маячный бугор, Бахтияровка (к. 41, 48, 99) – датируются найденными в них монетами ханов Токты, Узбека и Джанибека.

Варнинский («Кесене Тамерлана»), Домолакер, Жаксы-Каргала, Мустаевский, Тептяри, Бахтияровский мавзолеи датируются XIV в. по находкам в них бронзового зеркала и серьги в виде знака вопроса, стремян, кресала, берестяного колчана с накладками и др. [8; 12; 11].

Наиболее точно датируется мавзолей (кэшэнэ) Хусейн-бека, благодаря сохранившейся эпитафии, из которой следует, что умер Хусейн-бек в 1339 г.¹ Опираясь на эту дату, Г.Н. Гарустович и А.И. Нечвалода предлагают считать первую половину – середину XIV в. «основой хронологии всех каменных усыпальниц Башкирии» [18, с. 189].

Таким образом, мавзолеи в степях Заволжья и Южного Предуралья начинают сооружаться в XIV в., и едва ли ранее правления хана Узбека. То есть, ещё в то время, когда среди золотоордынских кочевников продолжала устойчиво сохраняться языческая погребальная обрядность. Что подтверждается довольно многочисленными в регионе находками кочевнических подкурганых захоронений с вещами и джучидскими монетами (рис. 1). Причем, абсолютное большинство монет чеканены в 1340–1360-е гг. [47].

Поиск ответа на вопрос, для кого и для чего возводились степные мавзолеи, едва ли требует длительных размышлений. Г.Н. Гарустович, в свое время разработавший «теорию мавзолеев», выделил, опираясь, в том числе, и на мнения предшественников, десять аспектов этой теории. Включая и такой экзотический аспект как эстетический [13]. Причем сам исследователь явно отдавал предпочтение точке зрения, согласно которой мавзолеи возводились над могилами представителей элиты кочевнического общества, иногда и вовсе не являвшихся мусульманами [13, с. 98, 102–105]. Примеры подобных захоронений известны: Маячный Бугор, Варнинский (Кэсэнэ), Мустаевский V [7, с. 155; 8; 41, с. 12–14].

¹ По последним уточнениям эпиграфиста А.М. Гайнутдинова, Хусейн-бек скончался в 1344 г. Более подробно см.: Гайнутдинов А.М. Эпитафия на памятнике Хусейн-беку // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 1. С. 168. (прим. гл. ред.).

Если исходить из того, что степные мавзолеи и кочевнические погребения с джучидскими монетами синхронны, то их картография указывает на отсутствие между ними территориальной привязки (рис. 1 и 2). Это, во-первых, дает повод усомниться в том, что «мавзолеи и мазары благодаря своей монументальности практически сразу превращались в места почитания» [13, с. 101]. Во-вторых, география мавзолеев и языческих курганов степей Заволжья и Южного Приуралья, а также планиграфия кочевнических могильников, состоящих из языческих и мусульманских захоронений – Ишкуловский II, Линеvский, Покровский IV, у пос. Урал, Царевский, Маляевка – с большей степенью вероятности указывают на то, что кочевники степной глубинки Золотой Орды на первых этапах утверждения ислама в государстве были, если не враждебны, то вполне индифферентны к нему и к его погребальным канонам [22].

За исключением каменных мавзолеев Булгара и мавзолеев в Чишминском районе современного Башкортостана – Хусейн-бека, Тура-хана, Малый кэшэнэ – все кирпичные и сырцовые мавзолеи Заволжья и Предуралья сооружены в степи (рис. 1). Что представляла в рассматриваемое время степь, хорошо известно благодаря палеоклиматическим реконструкциям лаборатории археологического почвоведения Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН профессора В.А. Дёмкина в 2001–2004 гг. По результатам почвоведческого анализа, в XIII–XIV вв. в степях Нижнего Поволжья происходит резкое увеличение степени атмосферной увлажненности и общей гумидизации климата (климатический оптимум). Вследствие чего в ряде регионов происходит сдвиг ландшафтных рубежей к югу [57, с. 195–203]. В Нижнем Поволжье в результате роста количества осадков происходило размывание солончаков и пустыня Прикаспийской низменности – Рын-пески – становилась сухой степью [25, с. 170; 19, рис. 2].

Противоположная северная оконечность Волго-Уральского региона (городище Уфа II и его окрестности) стабильно представляла собой лесное пограничье, находящееся под постоянным воздействием антропогенного фактора – вырубка лесов, распашка, вытаптывание растительности и т.п. [38].

В этих условиях кочевникам Золотой Орды уходить из степи не было никакого резона. Поэтому кочевнических памятников XIII–XIV вв. в Волго-Уральской лесостепи известно мало (рис. 2). Из могильников это Балымерские курганы (в общей сложности 5 погребений) [30; 48] и Сынтыштамакский курганный могильник, (14 курганов) [14, с. 181–188].

Известны ещё четыре заведомо кочевнических одиночных погребения: на Рождественском IV могильнике, Алексееvское, Аккулаевское и Удрякбашское [3; 44; 49] (рис. 3). Наличие ещё нескольких кочевнических захоронений предполагается на берегу р. Ик у с. Байряки-Тамак, где было найдены вещи, типичные для степных погребений XIII–XIV вв. К.А. Руденко на составленной им карте кочевнических могильников и отдельных погребений в Булгарском Улусе Золотой Орды Байряки-Тамакские находки, вслед за Е.П. Казаковым, обозначает как полностью разрушенный могильник, принадлежавший кыпчакам [49, с. 189]. Так это было или нет, сейчас сказать практически невозможно. Первооткрыватель этих находок Е.П. Казаков ситуацию описывает так: «...в 1972 г. Ф.Ш. Гимадеевым было сообщено о разрушении при разработке карьера для добычи гравия в д. Байряки-Тамак Бавлинского района ТАССР средневекового могильника и прислана пласти-

нчатая серебряная накладка. При нашем обследовании этого памятника в 1974 г. собран комплекс вещей: три орнаментированных бронзовых позеленевших зеркала, железные ножницы, два круговых напрясла» [32, с. 93]. Так что будем **условно считать**, что в Байряки-Тамаке были найдены несколько² захоронений женщин, своим происхождением связанных с кочевниками Золотой Орды. На это также указывает и то обстоятельство, что среди вещей были найдены два глиняных пряслица. Вообще пряслица – очень редкая находка в кочевнических погребениях Золотой Орды. По моим данным, пряслица найдены в 1,6% от 1268 учтенных погребений. Причем, найдены они все в могильниках Заволжья и Южного Предуралья и половина из них (0,8%) вместе с пряслицем содержит бронзовое зеркало (Ровное, к. 10; Усть-Курдюм, к. 1; Бахтияровка, к. 26, 70, 72; Пчельник, к. 6; Холодный Яр, к. 26; Малаевка, к. 7; Цаган-Усн VII, к.4; Мирное, к. 2).

Пряслице – единственный элемент погребального инвентаря, найденный в погребении с конем на площадке Камаевского городища [56, с. 144]. Женским было и Алексеевское погребение (найжены зеркало и ножницы) [49, с. 205]. Ещё одно женское погребение с кочевническими атрибутами погребального инвентаря (бронзовое зеркало, ножницы, проволочная серьга и две серебряных подвески с янтарными вставками) найдено в могильнике на Бабьем бугре г.Булгара [20, с. 184].

Не наводит ли это на мысль о том, что все эти женщины – кыпчачки³ могли оказаться в лесостепных районах как жёны мужчин местного населения, о котором речь пойдет ниже?

К.А. Руденко в своем исследовании о кочевниках в Булгарском Улусе Золотой Орды в качестве ключевого рассматривает могильник на Песчаном острове в устье Камы. Из 15-ти исследованных на могильнике захоронений языческими, то есть содержащими кочевнические предметы погребального инвентаря, являются два: погребение №5 – женское (опять женское!) (зеркало, игольница, бусины, нож) и №8 – мужское (два стремени, удила, два ножа) [49, с. 203–205].

Конечно, если рассматривать перечисленные погребения отдельно от общего массива известных сейчас в Волго-Уральских степях кочевнических захоронений XIII–XIV вв., то, при желании, можно прийти и к выводу о том, что «они составляют единый этнокультурный комплекс кыпчакского населения в Булгарском Улусе Золотой Орды» [49, с. 209]. Но если взглянуть на них с точки зрения географической статистики, то получается, что они составляют только 1,4% от 695 исследованных в регионе погребений кочевников. О чем это говорит? Вероятнее всего, о том, что отдельные группы кочевников-кыпчаков, действительно, приходили в окрестности г.Булгара⁴ и некоторые женщины выходили замуж за местных мужчин. Оставались ли кочевники в этих краях надолго? Ничего определенного сказать по этому поводу

---

² Едва ли более трех, поскольку кочевники в погребения клали не более одного зеркала.

³ Именно так определяют исследователи этническую принадлежность перечисленных погребений.

⁴ Что не удивительно – это все-таки город с привлекательными для кочевников базарами и ремесленными мастерскими.

Мавзолеи: ◻ - каменные ◈ - кирпичные ◈ - сырцовые ● - курганы с монетами Джучидов
 ★ - города Золотой Орды

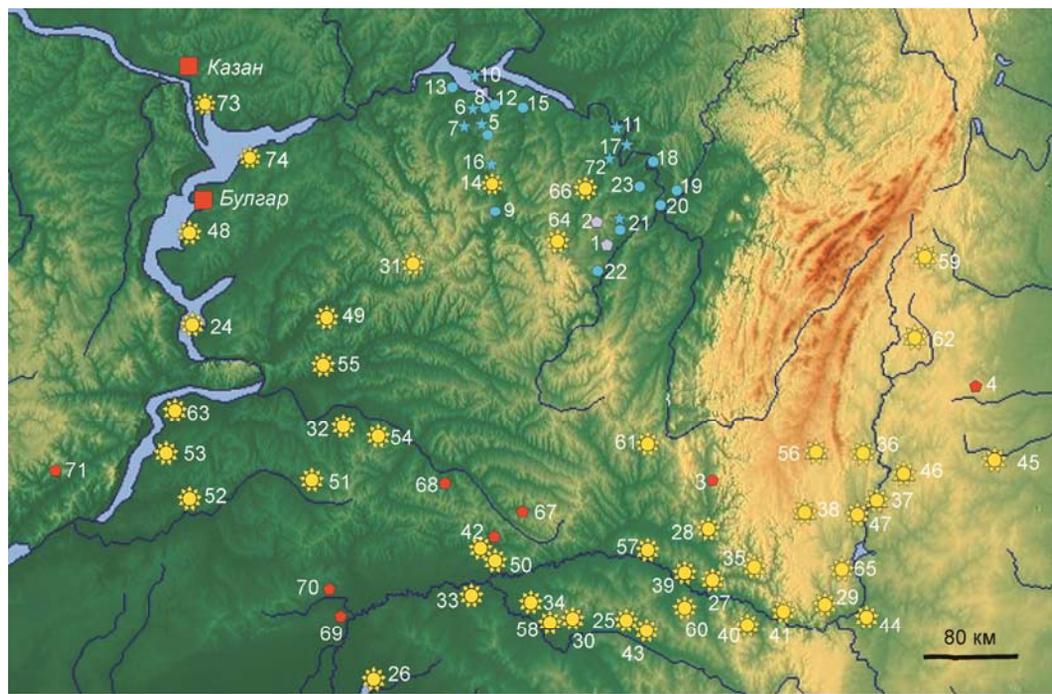
Рис. 1. Территория распространения мавзолеев Золотой Орды в степях Заволжья и Предуралья.

- 1 – Тура-хана; 2 – Хусейн-бека; 3 – Бэндэбике; 4 – Кесене («Башня Тамерлана»);
 5 – Жангыз-Агаш; 6 – Малый Уральский; 7 – Большой Уральский; 8 – Кара-Яр;
 9 – мавзолеи г. Булгара; 10 – Домолакер; 11 – у Метеостанции; 12 – на р.Увельке;
 13 – Атчергат; 14 – Тептяри; 15 – Жаман-Каргала; 16 – Мохши; 17 – Укек; 18 – Мечетное;
 19 – Водянское; 20 – Бахтияровский; 21 – Царевский; 22 – Селитренное;
 23 – Комсомольское; 24 – 301-й км; 25 – Солодовка; 26 – Кривая Лука; 27 – Маячный
 Бугор; 28 – Кердери; 29 – Саралжин; 30 – Лебедевка VIII; 31 – Караул-Тобе; 32 – Абат-
 Байтак; 33 – у свх. Свердловка; 34 – Мустаевский; 35 – Троицкий; 36 – Изобильненский;
 37 – Абганеровский; 38 – Августовка; 39 – Марьевка; 40 – Давдовка III; 41 – Марьевка;
 42 – Ровное; 43 – Андреевское; 44 – Бережновка; 45 – Саратов; 46 – Лапас; 47 – Жарсуат;
 48 – Купцын-Толга; 49 – Даниловка; 50 – Зауморье; 51 – Кеппенталь; 52 – Суслы;
 53 – Харьковка; 54 – Боаро; 55 – Белокаменка; 56 – Тлявгуловский; 57 – Блюменфельд;
 58 – Свх. Луначарского; 59 – Мордова; 60 – Сенной; 61 – Новая Меловатка; 62 – Жангала;
 63 – Лапас; 64 – Новоорский; 65 – Новая Молчановка; 66 – Шляховский; 67 – Нагавский.

Fig. 1. The territory of distribution of the mausoleums of the Golden Horde in the steppes of the Volga and Cis-Ural regions.

- 1 – Tura-khan; 2 – Husein-bek; 3 – Bendebike; 4 – Kesene (“Bashnya Tamerlana”);
 5 – Zhangyzyz-Agash; 6 – Malyy Uralskiy; 7 – Bolshoy Uralskiy; 8 – Kara-Yar; 9 – mausoleums
 of Bulgar; 10 – Domolaker; 11 – near Weather station; 12 – on Uvelka river; 13 – Atchergat;
 14 – Teptyari; 15 – Zhaman-Kargala; 16 – Mokhshi; 17 – Ukek; 18 – Mechetnoye;
 19 – Vodyanskoye; 20 – Bakhtiyarovskiy; 21 – Tsarevskiy; 22 – Selitrennoye;
 23 – Komsomolskoye; 24 – 301 km; 25 – Solodovka; 26 – Krivaya Luka; 27 – Mayachnyy
 Bugor; 28 – Kerderi; 29 – Saralzhin; 30 – Lebedevka VIII; 31 – Karaul-Tobe; 32 – Abat-

Baytak; 33 – near Sverdlov sovkhos; 34 – Mustayevskiy; 35 – Troitskiy; 36 – Izobilnenskiy;
37 – Abganerovskiy; 38 – Avgustovka; 39 – Maryevka; 40 – Davdovka III; 41 – Maryevka;
42 – Rovnoye; 43 – Andreyevskoye; 44 – Berezhnovka; 45 – Saratov; 46 – Lapas;
47 – Zharsuat; 48 – Kuptsyn-Tolga; 49 – Danilovka; 50 – Zaumorye; 51 – Keppental;
52 – Susly; 53 – Kharkovka; 54 – Boaro; 55 – Belokamenka; 56 – Tlyavgulovskiy;
57 – Blyumenfeld; 58 – Lunacharskiy sovkhos; 59 – Mordova; 60 – Sennoy; 61 – Novaya
Melovatka; 62 – Zhangala; 63 – Lapas; 64 – Novoorskiy; 65 – Novaya Molchanovka;
66 – Shlyakhovskiy; 67 – Nagavskiy.

Чияликская культура: Мавзолеи: - курганы кочевников Золотой Орды

- могильники - каменные

- поселения - кирпичные - города

Рис. 2. Территория распространения памятников чияликской культуры и кочевников Золотой Орды в Предуралье.

1 – Хусейн-бека; 2 – Тура-хана; 3 – Бэндэбике; 4 – на р. Увельке; 5 – Чияликский;
6 – Азметьевский; 7 – Такталачук; 8 – Игимский; 9 – Меллятамак; 10 – Дербешкинский;
11 – Казакларовский; 12 – Бикбулуковское; 13 – Усаевское; 14 – Байряки-Тамак;
15 – Минниярдовское; 16 – Нагайбакский; 17 – Биктимировский; 18 – Кара-Абыз;
19 – Уфимское (Чортово); 20 – Уфа II; 21 – Горновское; 22 – Ябалаклинское;
23 – Подымалово; 24 – Свх. Луначарского; 25 – Пчельник; 26 – Челкар; 27 – Алабайтал;
28 – Андреевское; 29 – Ново-Орский; 30 – Ветлянка; 31 – Большой Шихан;
32 – Гвардейцы; 33 – Жарсуат; 34 – Линеvский; 35 – Тлявгуловский; 36 – Ишкуловский;
37 – Покровский; 38 – Ивановка IV; 39 – Новочеркасский; 40 – у пос. Урал;
41 – Хабарный; 42 – Мустаевский; 43 – Мертвецовский; 44 – Новый Кумак;
45 – Федоровский; 46 – у пос. Большевик; 47 – Березовка; 48 – Балымерский;
49 – Александровский; 50 – Илецкая Защита; 51 – Августовка; 52 – Давдовка;
53 – Абашевский; 54 – Виловатовский; 55 – Покровка; 56 – Тавлыкаевский;
57 – Каменноозерный; 58 – Тамар-Уткуль; 59 – Комсомольский IV; 60 – Жанаталап;

61 – Башкир-Беркутовский; 62 – Агаповский; 63 – Екатеринбургский; 64 – Удрякбаш;
65 – Колпакский; 66 – Сынтыштамакский; 67 – Тептяри; 68 – Свх. Свердлова;
69 – Малый Уральский; 70 – Большой Уральский; 71 – Мечетное; 72 – Кушулевский;
73 – Рождественский IV; 74 – Алексеевское.

Fig 2. The territory of distribution of monuments of Chiyalik culture and nomads of the Golden Horde in the Cis-Ural region.

1 – Husein-bek; 2 – Tura-khan; 3 – Bendebike; 4 – on Uvelka river; 5 – Chiyalikskiy;
6 – Azmetyevskiy; 7 – Taktalachuk; 8 – Igimskiy; 9 – Mellyatamak; 10 – Derbeshkinskiy;
11 – Kazaklarovskiy; 12 – Bikbulovskoye; 13 – Usayevskoye; 14 – Bayryaki-Tamak;
15 – Minniyarovskoye; 16 – Nagaybakskiy; 17 – Biktimirovskiy; 18 – Kara-Abyz;
19 – Ufimskoye (Chortovo); 20 – Ufa II; 21 – Gornovskoye; 22 – Yabalaklinskoye;
23 – Podymalovo; 24 – Lunacharskiy sovkhos; 25 – Pchelnik; 26 – Chelkar; 27 – Alabaytal;
28 – Andreyevskoye; 29 – Novo-Orskiy; 30 – Vetlyanka; 31 – Bolshoy Shikhan;
32 – Gvardeytsy; 33 – Zharsuat; 34 – Linevskiy; 35 – Tlyavgulovskiy; 36 – Ishkulovskiy;
37 – Pokrovskiy; 38 – Ivanovka IV; 39 – Novocherkasskiy; 40 – near the Ural village;
41 – Khabarnyy; 42 – Mustayevskiy; 43 – Mertvetsovskiy; 44 – Novyy Kumak;
45 – Fedorovskiy; 46 – near the Bolshevik village; 47 – Berezovka; 48 – Balymerskiy;
49 – Aleksandrovskiy; 50 – Iletsкая Zashchita; 51 – Avgustovka; 52 – Davdovka;
53 – Abashevskiy; 54 – Vilovatovskiy; 55 – Pokrovka; 56 – Tavlykayevskiy;
57 – Kamennoozernyy; 58 – Tamar-Utkul; 59 – Komsomolskiy IV; 60 – Zhanatalap;
61 – Bashkir-Berkutovskiy; 62 – Agapovskiy; 63 – Ekaterinovskiy; 64 – Udryakbash; 65 –
Kolpakskiy; 66 – Syntyshchtamakskiy; 67 – Teptyari; 68 – Sverdlov sovkhos; 69 – Malyy
Uralskiy; 70 – Bolshoy Uralskiy; 71 – Mechetnoye; 72 – Kushulevskiy;
73 – Rozhdestvenskiy IV; 74 – Alekseyevskoye.

нельзя. Оседали ли они на землю (седентаризировались)? А зачем, если в заволжских степях в это время были вполне оптимальные условия для кочевания? Поэтому более соответствующей исторической реальности представляется точка зрения о том, что «группа населения, оставившая Балымерские курганы, очевидно, являлась воинским контингентом, обеспечивающим стабильность новой власти в землях бывшей Булгарии» [31, с. 456].

Кочевнические погребения с территории современного Башкортостана – Сынтыштамакские курганы, Аккулаевское, Удрякбашское, Урманяевское (рис. 2) картины тоже не меняют. В общей сложности они также составляют 1,4% от общего числа кочевнических погребений Волго-Уралья. С той только разницей, что, в отличие от погребений с территории Булгарского Улуса, среди них⁵ чаще встречаются мужские захоронения. И здесь опять можно предположить, что это были какие-то отдельные группы кочевников-кыпчаков, углубившиеся в лесостепь. И, возможно, здесь они имели столкновения с местным населением, приведшие к гибели мужчин-воинов⁶. Но всё это – не более чем предположения, могущие (как и выводы К.А. Руденко) объяснить причину появления кочевников в Волго-Уральской лесостепи.

Здесь мы подходим к основной проблеме, поднятой в настоящей статье. Ближайшими северными соседями золотоордынских кочевников в Волго-Уралье являлись носители чияликской археологической культуры, в XIII–

⁵ Там, где это удалось установить по погребальному инвентарю.

⁶ Кстати, в этой связи не лишне указать, что у пожилой женщины, погребенной в могиле №2 Малого кэшэнэ, голова была отрублена сильным ударом сзади (саблей?) [18, с. 180].

XIV вв. занимавшие территорию Икско-Бельского междуречья к северу от Бугульминско-Белебеурской возвышенности (рис. 2). В культурно-хозяйственном контексте «**чияликцы**» были **полукокчевниками**. В этнокультурном они представляли собой ту часть зауральско-западносибирских угров, которые, начиная с X в., заняли территорию, оставленную родственными им уграми-мадьярами, после того как те ушли из Предуралья на запад [34, с. 359; 15; 33, с. 59–65; 35].

На восточной окраине территории основного расселения носителей чияликской культуры, на левобережье нижнего течения р.Дема, находятся каменные мавзолеи – Хусейн-бека, Тура-хана, Малый кэшэнэ (рис. 2, 3). О времени их возведения было сказано выше. Об их принадлежности к болгарской архитектурной традиции написано много и сомнения в этом ни у кого из исследователей не возникает⁷ [21, с. 159; 9, с. 20; 18, с. 189]. Другой вопрос – с какой целью эти мавзолеи возводились? Для кого – это ясно. Г.Н. Гарустович и А.И. Нечвалода, анализируя содержание эпитафии из Мавзолея (кэшэнэ) Хусейн-бека приходят к выводу о том, что Хусейн-бек был не просто мусульманским проповедником, но представителем ханской администрации в «Башкирском улусе»⁸, а район, где были построены указанные мавзолеи, являлся его, «улуса» политическим центром [18, с. 335–338]. Пусть будет так. Главное, что люди, погребенные в этих мавзолеях, этнически не принадлежали к местному «чияликскому» населению.

С одной стороны, Г.Н. Гарустович и А.И. Нечвалода определенно называют их «башкирами» [18, с. 335]. С другой – исходя из указаний средневековых письменных источников (точнее – единственного источника, сочинения Абу-л-Гази «Родословная туркмен» XVII в.), именно носители чияликской культуры являлись никем иным, как «иштяками», у которых спасались кыпчаки, уцелевшие после погрома, учиненного им Чагатаем и Угедеем [23].

Возникает вопрос – где могло находиться место (места) обитания этой самой элиты до их упокоения под сводами мавзолеев? Сейчас мы пока располагаем следующими данными на этот счет. В 18 км южнее мавзолея Хусейн-бека, вверх по течению р.Дема, находится Горновское поселение чияликской культуры, определенное как стационарный зимник (кышлак). Рядом с этим поселением исследован мусульманский могильник. В 25 км южнее найдено и исследуется Ябалаклинское I поселение – по-видимому, ещё один большой «чияликский» зимник-кышлак [51; 52] (рис. 3). В 36–40 км к северо-востоку от мавзолея обнаружено и исследуется Подымаловское I поселение (рис. 3). Оно датируется золотоордынским временем и по найденному материалу аналогично Горновскому поселению, то есть, также относится к чияликской культуре [4].

Можно ли какой-то из этих поселений-кышлаков считать местом обитания представителей мусульманской элиты, олицетворявшей власть золотоордынских ханов в «башкирском юрте» – я судить не берусь. На мой взгляд, едва ли. Горновское поселение, сейчас практически смытое водами р.Дема, никаких капитальных сооружений, кроме следов юрт и полуземлянок с печами-сувалами нам не дало. На Ябалаклинском I и Подымаловском I поселени-

⁷ Г.Н.Гарустович совершенно определенно говорил о наличии в регионе двух архитектурных школ – «болгарской» и «среднеазиатской периферийной» [17, с. 178].

⁸ По нашему мнению, речь должна идти все-таки не об улусе, а о Башкирском юрте (йорт) в составе Улуса Джучи-Золотой Орды [24, с. 65–96].

ях пока даже аналогичных сооружений не обнаружено. Поэтому мне очень трудно представить Хусейн-бека и его семью⁹ проживающими в юрте или полуземлянке на одном из указанных поселений. Хотя не исключено, что дальнейшие раскопки на поселениях Ябалаклы I¹⁰ или Подымалово I могут дать самые неожиданные результаты.

К мавзолеям примыкают мусульманские кладбища – зиярат. Когда они начали формироваться – вопрос открытый. Исследователи описываемых мавзолеев, рассмотрев 29 надгробий кладбища Акзират вокруг мавзолея Хусейн-бека, датированных XVII–XVIII вв., приходят к заключению о том, что «комплексный ансамбль некрополя Акзират начал формироваться в первой половине XIV в, когда на ровном незаселенном месте вблизи озера был построен каменный мавзолей над могилой Хусейн-бека...» [18, с. 247]. Откуда взялась эта дата? От селища чияликской культуры, обнаруженного в 300 м к юго-востоку от мавзолея. Относительно этого селища исследователи сообщают следующее: «В результате проведения разведочных работ в августе 2017 г. было выявлено селище, получившее название Чишма-1. ... При обследовании площадки памятника и в двух заложённых шурфах были обнаружены фрагменты гончарной и лепной керамики, а также кости животных. Гончарная керамика имеет аналогии среди станковой посуды Волжской Булгарии эпохи Золотой Орды, лепная же отнесена к чияликской археологической культуре и датируется XIV в.» [18, с. 247].

Мусульманские кладбища, опять-таки XVII в., примыкают к мавзолею Тура-хана. Одно из них расположено между мавзолеями Тура-хана и «Малым кэшэнэ» [18, с. 185–190]. Другое – к югу от кэшэнэ Тура-хана – исследовалось в 2022–2023 гг. археологами Института этнологических исследований им. Р.Г.Кузеева УФНИЦ РАН. О нем пока известно только из сообщений исследователей (Бахшиев И.И.) в СМИ Башкортостана, в которых, в частности, неоднократно упоминалось погребение девушки с ожерельем, в котором среди бус находилась монета царя Михаила Федоровича (XVII в.). В месте с тем, антропологическая экспертиза останков из восьми погребений некрополя у мавзолея Тура-хана, проведенная В.В. Куфтериним и Р.Р. Насретдиновым, дала интересные и, в известной степени, показательные результаты: оказывается по своим антропологическим признакам погребенные возле мавзолея Тура-хана не были «чияликцами»-иштяками и могли принадлежать к какой-то группе кочевников [39, с. 101–103]. Тут на память волей-неволей приходят Сынтыш-Тамакские курганы, расположенные в 18–20 км к западу от комплекса Тура-хана (рис. 3), среди которых шесть курганов – по определению Г.Н. Гарустовича – содержали погребения, совершенные по мусульманскому обряду [16].

Особую загадку загадали нам башкиры племени мин, минг, мингат – т.н. «демские башкиры» – которые, как считал Р.Г. Кузеев, «в XIV в., в период активной миграции башкирских племен с Бугульминской возвышенности... заняли южную часть бельско-уфимского междуречья, постепенно локализуясь в районе слияния рр. Уфы и Демы с Белой. Весь район центра совре-

⁹ По результатам молекулярно-генетического анализа четверо из пятерых захороненных в мавзолее Хусейн-бека людей – родственники [18, с. 392–397].

¹⁰ Площадь памятника ориентировочно составляет 8400 м², как указано у Е.В. Русланова.

менной Башкирии, включая территорию г.Уфы и прилегающих земель вниз и вверх по Белой, был, по преданиям, минской вотчиной. В пределах этой территории, в 50 км южнее г.Уфы на берегу р.Демы вокруг мавзолея мусульманского проповедника Хусейн-бека (XIV в.) сохранилось древнее кладбище минцев, на надмогильных плитах которого до сих пор отчетливо видны минские тамги» [37, с. 273–274]. Я не буду здесь вдаваться в подробности, откуда пришли башкиры-минцы на берега р.Демы – с Бугульминской возвышенности (что мало вероятно) или с какой-то другой территории. В контексте настоящей статьи гораздо важнее заострить внимание на том, что именно потомки этого племени носители исторической памяти – в XVIII–XIX вв. выступали в роли информаторов о рассматриваемых памятниках для участников Академической экспедиции и краеведов.

Начнем с того, что в известных и изданных минских родословных-шэжэрэ ни Хусейн-бек, ни Тура-хан **не упоминаются вообще** [5, с. 251–310]. В башкирских исторических преданиях и легендах Хусейн-бек упоминается единственный раз. Главный герой сказания «Последний из Сартаева рода» бий Джалык, от чьего имени ведется повествование, готовясь к схватке с войском Тамерлана, обращается с молитвой о помощи к «святому Хусейн-беку из земли Туркестан», но – безуспешно [6, с. 176].

Г.Н. Гарустович и А.И. Нечвалода в своей монографии подробнейшим образом излагают историю изучения каменных мавзолеев в XVIII–XIX вв. Правда, отмечая что все предания и легенды, услышанные и записанные русскими учеными того периода, изложены именно в их, ученых, понимании и преломлении (?), поэтому в своем исследовании авторы их использовать не будут [18, с. 43]. В контексте настоящей работы именно эти предания представляются важными, поскольку отражают место и значение этих сооружений в исторической памяти башкирского народа.

П.И. Рычков во время своего посещения Уфы в 1734 г. от башкирского старшины Кидраса Муллакаева услышал и записал сведения о том, что в 50 верстах от Уфы при озере большом Азирате и на речке Ислаке «были немалые жительствова, да и поныне на том озере мечеть, а на речке Ислаке мечеть же и дом каменные видны, только уже обвалились» [54, с. 264].

Его сын капитан Н.П. Рычков, в 1769–1770 гг. находившийся в составе экспедиции академика П.С. Палласа, в отличие от своего отца, «каменные палаты», расположенные в 50 верстах от Уфы обследовал и описал сам. Возле мавзолея Тура-хана он видел каменные надгробия с арабскими надписями, но узнать их содержание Н.П. Рычкову не удалось, поскольку «слова на камнях написанные не смогли истолковать самые искусные муллы». По причине, что сами камни («надгробки») были попорчены временем, да и язык надписей отличался от арабского языка XVIII в. Поэтому «из окольных жителей» никто не ведал, **«к чему служило сие место, а того меньше ещё, кто был основателем онаго»** (выделено мной – *авт.*). Очевидно кто-то из местных жителей изложил Н.П. Рычкову версию о том, что данное сооружение было храмом какого-то древнего народа. Она не показалась ему достоверной и исследователь в итоге заключает: «не разбирая образ построенного здания, без ошибки можно заключить, что оно служило больше надгробною палатою знатнейшего человека, нежели молитвенным храмом тех народов, кои в древности тамо обитали».

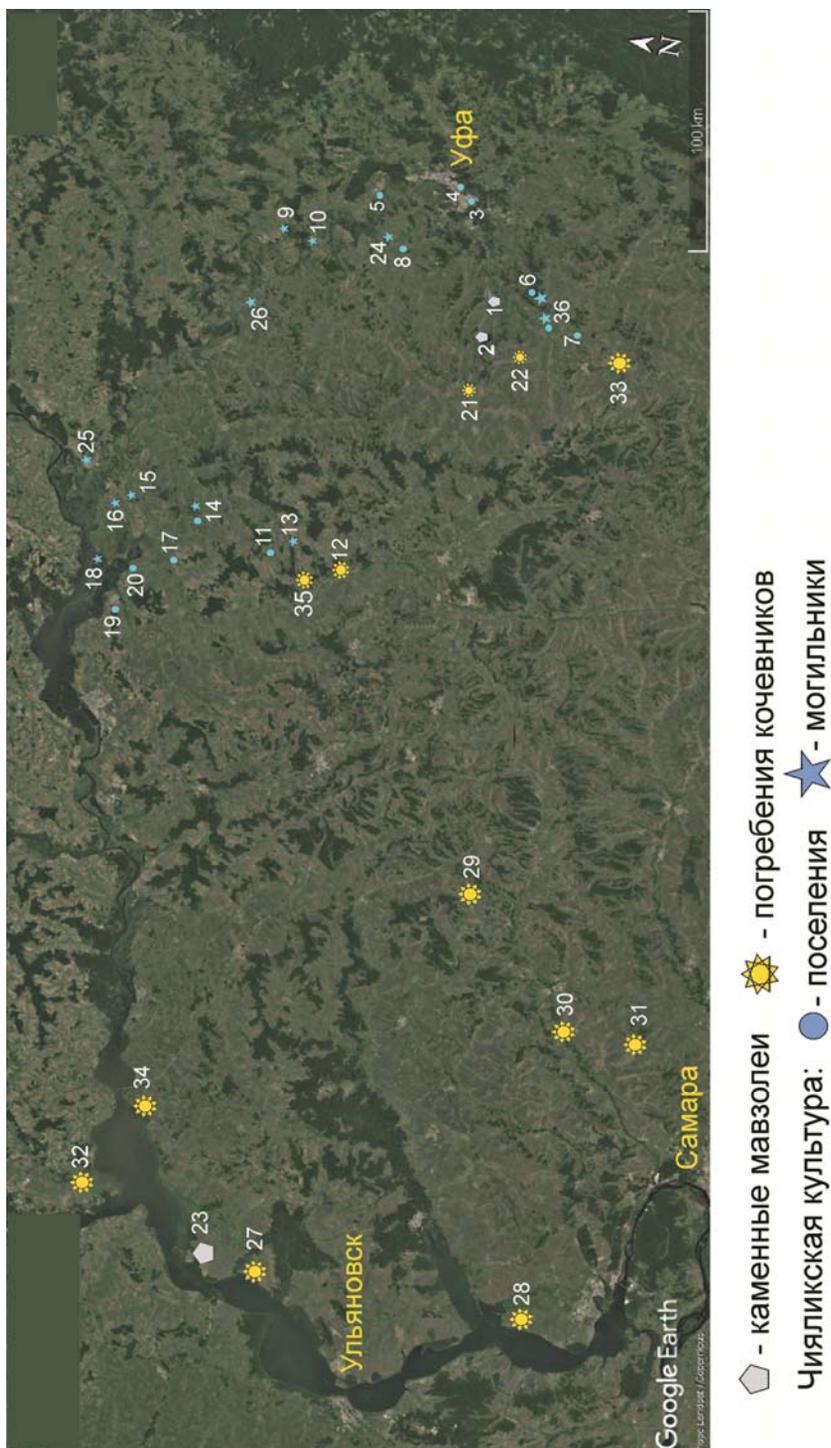

Рис. 3. География местонахождения каменных мавзолеев, памятников чияликской культуры (Башкирский юрт Булгарского Улуса) и курганов кочевников Золотой Орды в Предуралье.

1 – Хусейн-бека; 2 – Тура-хана; 3 – Уфа II; 4 – Уфимское (Чортово); 5 – Кара-Абыз; 6 – Горновское I; 7 – Ябалаклинское; 8 – Подымаловское; 9 – Биктимировский;

- 10 – Казакларовский; 11 – Меллятамаское; 12 – Байряки-Тамак; 13 – Нагайбакский;
14 – Чияликский; 15 – Такталачукский; 16 – Азметьевский; 17 – Игимское;
18 – Дербешкинский; 19 – Усаевское; 20 – Бикбуловское; 21 – Сынтыштамакский;
22 – Удрякбаш; 23 – мавзолей г. Булгара; 24 – Таганаевский; 25 – Саузовский;
26 – Кушулевский; 27 – Балымерский; 28 – Свх. Луначарского; 29 – Большой Шихан;
30 – Александровский; 31 – Покровка; 32 – Рождественский IV; 33 – Аккулаевское;
34 – Алексеевское; 35 – Урманавское; 36 – Нижнехозятское.

Fig. 3. Geography of the location of stone mausoleums, monuments
of the Chiyalik culture (Bashkir yurt of the Bulgar Ulus)
and mounds of the Golden Horde nomads in the Cis-Ural region.

- 1 – Husein-bek; 2 – Tura-khan; 3 – Ufa II; 4 – Ufimskoye (Chortovo); 5 – Kara-Abyz;
6 – Gornovskoye I; 7 – Yabalaklinskoye; 8 – Podymalovskoye; 9 – Biktimirovskiy;
10 – Kazaklarovskiy; 11 – Mellyatamaskoye; 12 – Bayryaki-Tamak; 13 – Nagaybaskiy;
14 – Chiyalikskiy; 15 – Taktalachukskiy; 16 – Azmetyevskiy; 17 – Igimskoye;
18 – Derbeshkinskiy; 19 – Usayevskoye; 20 – Bikbulovskoye; 21 – Syntyshtamaskiy;
22 – Udryakbash; 23 – mausoleums of Bulgar; 24 – Taganayevskiy; 25 – Sauzovskiy;
26 – Kushulevskiy; 27 – Balymerskiy; 28 – Svkh. Lunacharskogo; 29 – Bolshoy Shikhan;
30 – Aleksandrovskiy; 31 – Pokrovka; 32 – Rozhdestvenskiy IV; 33 – Akkulayevskoye;
34 – Alekseyevskoye; 35 – Urmanayevskoye; 36 – Nizhnekhozyatovskoye.

Больше ясности было с другой «палатой», расположенной в 12 верстах от первой¹¹. Там тоже находился каменный «надгробок», на котором были «написаны молитвы и имя усопшего, «который по словам надписи (как сказывают Татары), был сходец из Мекки столицы Магометанского суеверия». У местного населения он почитался как святой, которому воздавались почести «в дни поминок» [53, с. 102–104].

Начальник Н.П. Рычкова академик П.С. Паллас тоже приводит в своем сочинении сведения о «мечетях» и каменных надгробиях в окрестностях деревень Тирме и Калмаш. По сведениям местных жителей («по скаскам жителей»), они были сооружены владельцами не башкирского происхождения, «живших где теперь город Уфа построен», которым башкиры до своего вхождения в состав Русского государства платили дань [46, с. 12]¹².

В своей монографии Г.Н. Гарустович и А.И. Нечвалода упоминают ещё одного ученого XVIII в., по их словам, осмотревшего и описавшего каменные кэшэнэ – И.И. Георги, сотрудника экспедиции профессора Фалька 1771–1774 гг., ботаника и фармацевта. При этом авторы ссылаются на 2-й том сочинения Георги «Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich in den Jahren 1773 und 1774», изданный в Санкт-Петербурге в 1775 г. [18, с. 41]¹³.

Ученые-историки и краеведы XIX столетия больше внимания уделяли эпиграфическому контексту мусульманских памятников в регионе. Хотя архитектурным описанием и фиксацией преданий и легенд, их касающихся, тоже не «манкировали».

¹¹ Мавзолеем Хусейн-бека.

¹² Здесь возникает ассоциация с временами ногайского господства на Южном Урале.

¹³ Признаюсь – все мои попытки отыскать какие-либо упоминания о каменных мавзолеях в Башкирии и в 1 томе указанного сочинения, состоящем из 511 стр., и во 2 томе (506 стр.) (отпечатанных ещё и полуготическим шрифтом) успехом не увенчались.

Так, П.Павловский в 1841 г. посетивший «каменную мечеть Хусейн-бека»¹⁴, со слов местных стариков башкир записал легенду о том, что построенная «мечеть» была по указанию самого Хусейн-бека («Бек значит Князь, или владетельная особа; слово *туркистан* Башкирцы объясняют различно. Некоторые выводят из него, что Хусейн-Бек был Турок, другие, называя Туркестаном Киргизские степи, почитают его Кайсацким Князем; некоторые же напротив того доказывают, что он был Башкирский Князь потому, что Башкирцы сами себя называют Турками»). Совершив хадж в Мекку и получив там отпущение грехов, Хусейн-бек прибыл к башкирам и поселился «в том кочевье Башкирцев, где ныне город Уфа». Предчувствуя свою кончину, Хусейн-бек завещал своим «богатырям» похоронить его в том, месте, куда упадет черемуховый посох, брошенный им с горы, «на которой построен Архиерейский дом»¹⁵. Посох этот и упал в 50-ти верстах от Уфы, где и был погребено тело Хусейн-бека. Над могилою «богатыри» построили из огромных камней памятник-мавзолей¹⁶, а из посоха, воткнутого в ногах могилы выросло большое черемуховое дерево. Первоначально оно было вечнозеленым и чудодейственным, но в настоящее время «по грехам местных жителей» утратило свою животворящую силу. Но сама могила Хусейн-бека остается святой и ей поклоняются не только близ живущие «магометане», но и приезжающие издалека, из отдаленных уездов Оренбургской губернии. В том числе и для того, чтобы попросить помощи святого Хусейн-бека в своих сугубо светских нуждах.

Относительно мавзолея Тура-хана П.Павловский сообщает следующее: «В 8 верстах от мечети Хусейн-Бека на горе... возвышается каменное здание на подобие Башкирского коша (юрты – *авт.*)... по сказанию жителей [оно] было судилищем Башкирского хана; близ него лежат груды камней, оставшиеся от Ханского дворца, который поэтому был древнее судилища» [45]. То есть, поклоняясь «Мечети Хусейн-бека», местные башкиры не знали даже имени человека (хана), «судилищем» и «дворцом» которого был мавзолей, известный нам как кэшэнэ Тура-хана¹⁷.

Интересно, что с трактовкой личности Хусейн-бека, данной П.Павловским, перекликаются рассуждения о нем же, данные историком-востоковедом, академиком В.В. Вельяминовым-Зерновым. Сам исследователь могилы Хусейн-бека не видел, но описал её, пользуясь сведениями В.С. Юматова 1846 года. Равно как и при анализе надписи на надгробии Хусейн-бека исследователь пользовался копией, снятой В.С. Юматовым в том же году [10, с. 259]. Анализ надгробного текста исследователь завершает ремаркой о том, что «мусульмане считают памятник Хусейн-бека священным, и правоверные

¹⁴ Так называли мавзолей местные жители в отличие от деревянной мечети, действовавшей тогда в Чишмах.

¹⁵ Случевская гора в г.Уфе.

¹⁶ Изнутри стены его были оштукатурены неким великаном, отпечаток огромной ладони которого П. Павловский видел сам.

¹⁷ Поэтому я не могу понять смысл «цитаты» из П. Павловского, приведенной Г.Н. Гарустовичем и А.И. Нечвалодой на стр. 47 их монографии: «Башкиры очень почитали оба сооружения и хоронили своих родственников рядом с ними...» (выделено мной – *авт.*). Ссылка на П. Павловского, стр 241–242. Странность этой «цитаты» состоит в том, что ничего подобного на указанных страницах статьи П. Павловского нет.

из отдаленных краев Оренбургского края нередко приезжают ему поклониться» [10, с. 261–262]. Личность Хусейн-бека В.В. Вельяминов-Зернов трактует через призму сочинения Шереф-ад-дина бен Хисам-ад-дина Булгарского «Летопись Булгарская». По мнению исследователя, эта летопись, во-первых, указывает на Булгар, как центр распространения ислама в регионе Волго-Уралья, во-вторых, что проповедники ислама («учители») из Туркестана, Ташкента, Самарканда и Бухары посещали Булгар «и оттуда нарочно или мимоездом заходили на Белую, Дему и прочие реки», в-третьих, наводит на мысль о том, что Хусейн-бек «был проповедник, завлеченный на Дему из родного города Туркестана желанием заслужить себе награду у Бога. Знатность происхождения нисколько не мешала ему быть наставником» [10, с. 279–280]. В.В. Вельяминов-Зернов не исключает и вероятности того, что «Хусейн, уважаемый учитель из Туркестана, **живший в Булгаре** (выделено мной – *авт.*), просто отправляясь в Мекку или возвращаясь оттуда, скончался по дороге... и был похоронен вблизи Дёмы» [10, с. 280].

Никаких преданий, относящихся к Хусейн-беку, исследователь не приводит¹⁸, а о кэшэнэ Тура-хана не упоминает вовсе.

В 1860-е годы в краеведческих публикациях рядом с именем Хусейн-бека звучали имена Тура-хана и Тамерлана. Причем, первый уже как персонаж башкирской истории. О нем Г.Игнатович, ссылаясь на какую-то «татарскую хронику», сразу же сообщает, что Тура-хан был чингизид, родственник сибирского хана Кучума. После ссоры с последним Тура-хан вынужден был со всею «ордою подведомственных ему **киргизов** (выделено мной – *авт.*) откочевать на р.Белую на неудобную для кочевья гору, «где ныне город Уфа», а оттуда на р. Слак, «где и воздвиг себе дворец». Но опасаясь русских «кои после покорения Казани посылали в глубь степей экспедиции и широкою ногою обходили владения Тура-хана, требуя покорности», ушел вначале в район нынешнего Стерлитамака, а затем и вовсе на юг в степи. Там он создал свою орду, «потомки коей впоследствии приняли подданство России»¹⁹.

А что касается Тимура, то «из рассказов старожиллов» Г.Игнатович узнал, что этот правитель, во-первых, прислал камень из Бухары для надгробия Хусейн-беку, а потом, идя походом на Русь, вообще построил ему мавзолей [26].

Практически в том же виде, только дополнив его сообщением о том, что «близ здания (дворца Тура-хана – *авт.*) лежит могильный камень с куваческою надписью, положенный над прахом Сахиб-зямал (СхибЗимал) – жены хана», очерк о чишминских мавзолеях опубликовал в 1873 г. крупный статистик Российской империи В.В. Зверинский [42, с. 67–68].

Дважды, в 1873 и 1883 гг., один и тот же очерк о чишминских мавзолеях публикует выдающийся уфимский краевед Р.Г. Игнатьев. Там также присутствуют и Тура-хан, как выходец из Сибирского ханства, и Тамерлан, как строитель мавзоля Хусейн-бека, и надгробие на могиле ханской жены Сахиб Зинал [27; 28, с. 333–334].

¹⁸ Хотя указывает, что почти с каждой гробницей мусульманского праведника, которые он сам наблюдал в Киргиз-Кайсацких (Казахстанских) степях, «сопряжено какое-либо предание, часто даже нелепое» и для примера приводит предание об аулие Хорхуте (Коркуте?), слышанное им самим от киргизов (казахов) [10, с. 283].

¹⁹ То есть, башкирам Тура-хан опять же был не родня. С Хусейн-беком «переселиться» никак не мог и вообще жил в XVI в.

С кирпичными мавзолеями Южного Предуралья – Кэшэнэ Бэндэбике и Варнинский (Кесене, «Башня Тамерлана») – дело обстоит несколько проще. Возводились они, несомненно, строителями из Средней Азии, на территории, входившей в ареал обитания кочевников Золотой Орды (рис. 3). Кэшэнэ Бэндэбике, исследованный Н.А. Мажитовым в 1968–1969 гг. на территории мусульманского кладбища с.Максютово Куграчинского района Башкортостана, содержал могилу женщины с остатками одежды из богатой ткани. У жителей с.Максютово бытовала легенда²⁰, согласно которой мудрая старуха Бэндэбика, жена батыра Ерэнсэ-сэсэнэ, слывшая миротворицей среди враждовавших между собой башкир и казахов, чувствуя приближение кончины завещала похоронить себя в собственном доме и завалить его землей: «Выполняя её завет, старики схоронили её в собственном доме» [6, с. 204–206].

Исследователи, изучавшие Кесене – «Башню Тамерлана» в XIX – начале XX столетия (Р.Г. Игнатъев, Ж.А. Кастанье), от кочевавших поблизости казахов узнали одну и ту же легенду, по которой «это здание – храм над могилою царя неизвестного народа, здесь жившего, но давно уже перешедшего в Китай, и что царь этого народа был муж святой, но какой религии были царь и его подданные, и когда жили на этом месте – предание ничего не говорит» [29, с. 96–104; 36, с. 47–50].

И башкиры, и казахи почитали это здание и считали за благо быть похороненными рядом с ним. И действительно вокруг Кесене Ж.А. Кастанье насчитал до 700 поздних могил – «мазарок» [26, с. 50].

И, по-видимому, уж совсем в недавние времена²¹ вокруг Кесене у местного населения возникла ещё одна, романтическая, легенда о любви дочери Тамерлана Кесене к простому воину Менгирею. Спасаясь от гнева владыки, влюбленные бежали в степь, но были пойманы воинами Тимура. Менгирей был зарублен на глазах несчастной девушки, а сама она ударом кинжала в грудь убила себя. «Когда утих гнев грозного Тимура, повелел он на месте гибели своей дочери построить мавзолей, такой, чтобы стоял века» [40]²².

Столь пространный аннотация преданий-легенд, витающих вокруг предуральских мавзолеев, приведена мною сознательно, чтобы показать заинтересованному читателю, что социально-историческая и этнокультурная информация, отложившаяся в исторической памяти башкир об этих памятниках и персонах, которым они были посвящены, **в весьма малой степени** соответствует интерпретации, даваемой им современными исследователями²³.

Поэтому теперь мне кажется, что Г.Н. Гарустович и А.И. Нечвалода в своей капитальной монографии, в отличие от своих предшественников, так же сознательно опустили эти предания и легенды. Почему – об этом будет сказано ниже. Приведенные же выше данные позволяют сделать **следующие выводы**:

Кирпичные степные мавзолеи, включая кэшэнэ Бэндэбике и Кесене («Башня Тамерлана»), являлись органичной частью мусульманской **культуры кочевников Золотой Орды**. И сооружались они по заказу кочевой знати

²⁰ Единственная и более нигде не встреченная.

²¹ Но, конечно, не в прошлом веке, а раньше.

²² Судя по сюжету этой «легенды», авторы явно были знакомы с произведением Сейфа Сарай «Сухейль и Гульдурсун».

²³ Речь, конечно же идет не об архитектурной морфологии указанных мавзолеев.

мастерами, приглашенными, надо полагать, из Средней Азии. Примечательно, что оба мавзолея – Бэндэбике и Кесене («Башня Тамерлана») – были построены над могилами женщин, явно принадлежавших к сословию кочевнической знати.

Каменные мавзолеи – Хусейн-бека, Тура-хана, Малый кэшэнэ – таковыми не являлись. Расположены на территории, находившейся за пределами ареала обитания золотоордынских кочевников. И построены они были (в чем сейчас никто не сомневается) мастерами из Булгара. Вопрос – по чьему заказу или распоряжению? Выше было сказано, что авторы неоднократно цитируемой здесь монографии о каменных мавзолеях дату кончины Хусейн-бека (1339 г.) предлагают считать основой для хронологии каменных мавзолеев Предуралья и датировать их первой половиной – серединой XIV в. [18, с. 189]. Но, по мнению других исследователей (в том числе и Г.Н. Гарустовича), для Икско-Бельско-Демского междуречья весь XIV в. – это было время обитания здесь носителей чияликской культуры/иштяков-угров [1, с. 103; 2, с. 127–128; 24, с. 143–146]. Косвенно это подтверждается находками монеты хана Джанибека и кашинной керамики на поселениях Подымалово I, Ябалаклы I, Горновском²⁴ [51; 52; 55]. Следовательно, если исходить из предложенной названными исследователями хронологии, каменные мавзолеи должны были сооружаться в окружении и на территории «чияликцев» – иштяков/угров. Соответственно и Хусейн-бек, бывший, по мнению тех же исследователей, ханским наместником «башкирского улуса» [18, с. 336] должен был управлять ими же.

Сами «чияликцы», хотя и были мусульманами, но, судя по имеющимся (пока) археологическим данным, своих покойников возле мавзолеев не хоронили²⁵ и возле поселений у них имелись свои кладбища (Горновское I, Нижнехозятовское). Нижнехозятовское поселение, по обилию находок на его территории²⁶, Г.Н. Гарустович и А.И. Нечвалода считают политическим центром «башкирского улуса» в период эпохи Золотой Орды [18, с. 338]. Мне представляется, что в скором времени на этот статус будут претендовать Подымаловское I и Ябалаклинское I поселения.

Вдаваться в эту проблему в мою задачу не входит, поэтому я остановлюсь только на том, что так называемый «башкирский юрт» (территория обитания носителей чияликской культуры) в XIII–XIV вв. являлся частью улусной системы Золотой Орды [24, с. 84–96]. Территориально и административно он, вероятно, входил в состав Булгарского Улуса Золотой Орды, сложившегося в середине XIII в. [31; 50]. На это, в частности, могут указывать и укрепленные поселения-городища – Охлебининское II, Шиповское, Малый Толпак, Уфимское (Чортово), Кара-Абыз – сооруженные в золотоордынское время на востоке основной территории Башкирского юрта «группой населения, связанной своим происхождением с Волжской Болгарией» [43].

Таким образом, имеющиеся данные (с какой стороны к ним ни подходи) подводят нас к следующему **заключению**: в течение XV–XVII вв. в Башкир-

²⁴ Кстати, Е.В. Русланов приводит результаты датирования чияликского могильника Кордон Миассово 1 по C¹⁴, по которым получается, что памятники чияликской культуры могли существовать в период с середины XIII по начало XV вв. [51, с. 261].

²⁵ Погребения с каменными надгробиями не в счет, поскольку они датируются не ранее XVII в.

²⁶ Копать поселение невозможно, оно находится под современной деревней.

ском Предуралья произошла существенная смена населения, завершившаяся формированием этнического облика средневековых башкир. Прежде всего, за счет ассимиляции «чияликцев»/угров пришедшими с юга и юго-запада предками демских башкир-минцев (мингцев), имевших выраженные тюркские этнические корни. В XV в. они полностью заселяют долину р.Дема²⁷. Каменные мавзолеи минцы, по-видимому, застали уже в готовом виде, как наследие Булгарского улуса Золотой Орды. Но поскольку в это время шла ожесточенная борьба башкир с ногайцами (которые сами были раздираемы внутренними междоусобицами), разбираться в том, кто, когда и в чью честь возвел эти сооружения, было трудно. А в XVII–XVIII вв. на Дему «переселяются кочевники не только из соседних районов юго-восточной Башкирии, но и с дальних земель Зауралья и с севера» [37, с. 274], для которых «чияликцы»-иштяки уже были народом неизвестного происхождения (переселенцы вообще о них что-либо знали).

Но, если с кэшэнэ Хусейн-бека все было более-менее ясно: сохранилась надгробная надпись, которую, худо-бедно, грамотным муллам можно было понять, то вокруг кэшэнэ на р.Слак сложились легенды, в которых сплелись в один клубок Тура-хан, родственник сибирского хана Кучума, построенный им «дворец» и «Дом суда», его жена Сахиб Зимал, похороненная тут же, Тамерлан – строитель кэшэнэ Хусейн-бека и проч. Со временем (уж в XVII в. точно) оба кэшэнэ в сознании теперь уже смешанных в родовом отношении демских башкир сакрализировались. Кэшэнэ Хусейн-бека стало кладбищем, на котором хоронили представителей минской/мингской родовой элиты. Некрополь Акзират возле кэшэнэ Хусейн-бека с минскими тамгами на надгробиях (Р.Г. Кузеев) тому яркий пример²⁸.

Кэшэнэ Тура-хана в сознании средневековых демских башкир также, по-видимому, ассоциировался с неким святым или святыми (что, однако, не явилось препятствием для разграбления находящихся в нем могил [18, с. 171])²⁹. Поэтому в XVII в. вокруг него так же образовалось кладбище, первоначально, возможно, так же бывшее кладбищем родовой элиты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов И.В. Этническая история Волго-Уральского региона в XIII – начале XV вв. (историко-археологическое исследование). Уфа: РА «Информреклама», 2006. 236 с.
2. Антонов И.В. Башкиры в эпоху средневековья (очерки этнической и политической истории). Уфа; ИП Галиуллин Д.А., 2012. 308 с.

---

²⁷ О чем обстоятельно изложено в классической монографии Р.Г. Кузеева [37, с. 271–281].

²⁸ Правда, авторы монографии, описав надгробия этого некрополя, среди которых не выявлено ни одного старше XVII в., почему-то пришли к выводу о том, что «комплексный ансамбль некрополя Акзират начал формироваться в первой половине XIV в. ...» [18, с. 247].

²⁹ Впрочем, это могло произойти и позже, в советские годы борьбы с религией, когда, по рассказам жителей д. Нижние Термы, каменные надгробия вокруг мавзолея были собраны и утоплены в р.Слак [18, с. 186].

3. Антонов И.В. Аккулаевское погребение и его место в этнической истории Южного Урала // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. С. 277–280.

4. Ахатов А.Т., Бахшиев И.И., Тузбеков А.И., Камалеев Э.В. Селище Подымалово-1 в Приуралье: новый памятник эпохи Золотой Орды в Башкирии (предварительные результаты) // История науки и техники. 2018. №4. С. 28–32.

5. Башкирские родословные / Сост. предисл., поясн. к пер., пер. на рус. яз., послесл. и указ. Р.М.Булгакова, М.Х.Надергулова; Науч. рук. Р.Г.Кузеев. Уфа: Китап, 2002. Выпуск 1. 480 с.

6. Башкирское народное творчество. Том 2. Предания и легенды / Составитель, авт. вступит. статьи, комм. Ф.А.Надршина. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1987. 576 с.

7. Боталов С.Г., Гарустович Г.Н., Яминов А.Ф. Новые материалы по мавзолеям Зауралья и Центрального Казахстана // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. Вып. 1. Сборник статей / Отв. ред. М.Ф.Обыденнов. Уфа, 1995. С. 148–165.

8. Васильев Д.В. Женское захоронение в сырцовом мавзолее золотоордынского времени // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1998, с. 101–112.

9. Васильев Д.В. Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде (археолого-статистическое исследование). Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2009. 179 с.

10. Вельяминов-Зернов В.В. Памятник с арабо-татарской надписью в Башкирии // Труды Восточного отделения Императорского археологического общества / Под ред. В.Р.Розена. Ч. 4. СПб.: Тип-я Имп. АН, 1859. С. 257–284.

11. Гарустович Г.Н. Еще раз о датировках мусульманских кирпичных мавзолеев степной полосы Волго-Уральского региона // Золотоордынская цивилизация. Выпуск 5. 2012. С. 126–136.

12. Гарустович Г.Н. К вопросу о хронологии кирпичных мавзолеев в степной полосе Южного Урала и Западного Казахстана // Вестник ВЭГУ. 2013. № 1(63). С. 108–113.

13. Гарустович Г.Н. «Теория мавзолеев» или региональные особенности культового мемориального зодчества Урало-Поволжья эпохи Золотой Орды (исторические и этнографические аспекты проблемы) // Золотоордынское обозрение. №2(4). 2014. С. 95–119.

14. Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Материалы по археологии средневековых кочевников Южного Урала (IX–XV вв. н.э.): монография. Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. 328 с.

15. Гарустович Г.Н. Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале // Уфимский археологический вестник. Вып. 15. 2015. С. 181–198.

16. Гарустович Г.Н. Сынташтамакские курганы // Башкирская энциклопедия. Т.6. «Научное издательство Башкирская энциклопедия». Уфа, 2010. С. 185–186.

17. Гарустович Г.Н. Мусульманские мавзолеи золотоордынского периода // История татар Западного Приуралья. Том I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Казань: Институт истории м. Ш.Марджани АН РТ, 2016. С. 177–184.

18. Гарустович Г.Н., Нечвалода А.И. Средневековые каменные мавзолеи Башкортостана (история, археология, биоантропология). Уфа: Китап, 2020. 400 с.

19. Демкин В.А., Демкина Т.С. Археологическое почвоведение: новое направление в изучении древней и средневековой истории природы и общества // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград: 1999. С. 343–366.

20. Ефимова А.М. Могильник на Бабьем бугре городища Болгары // Материалы и исследования по археологии СССР. №80. Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. III. М.: Издательство АН СССР, 1960. С. 169–194.

21. Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Часть 1. Культурное зодчество. Казань: Отечество, 2014. – 228 с.

22. Иванов В.А. Восприятие ислама кочевниками Золотой Орды // Золотоордынское наследие: Материалы VII Международного Золотоордынского Форума «Цивилизационное значение принятия Ислама Волжской Булгарией и Золотой Ордой: интеграционные процессы в средневековой истории России», Казань, 14–16 декабря 2022 г. Выпуск 5. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2023. С. 63–67.

23. Иванов В.А. Иштяки по данным археологии // Иштяки: приуральско-сибирское пограничье. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2019. С. 84–91.

24. Иванов В.А., Злыгостев В.А. Башкирский юрт Золотой Орды (1236–1437). Уфа: Китап, 2021. 272 с.

25. Иванов И.В., Васильев И.Б. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского региона в голоцене. М.: ИНТЕЛЛЕКТ, 1995. 264 с.

26. Игнатович Г. О древних памятниках в Уфимском уезде // Сборник статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям, собранных и разработанных в течение 1866 и 67 гг. / Под ред. Н.А.Гурвича. Уфа: В типографии Уфимского губернского правления, 1868. С. 29–30.

27. Игнатьев Р.Г. Памятники доисторических древностей Уфимской губернии // Памятная книжка Уфимской губернии с статистическою картой губернии / Под ред. Н.А.Гурвича. Ч. 1. Уфа: Тип-я Губернского правления, 1873.

28. Игнатьев Р.Г. Памятники доисторических древностей Уфимской губернии, как то: древние здания, городища, ногайские валы, курганы, древние находки и т.д. // Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883. С. 328–355.

29. Игнатьев Р.Г. Древние здания в Троицком уезде Оренбургской губернии // Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / Ответственный редактор В.А. Лабuzов; составитель М.И. Роднов. Т. II: 1866–1868 годы. Уфа [Электронный ресурс], 2011. 290 с. Режим доступа: <http://mrodnov.ru/ft/5/public/Ruf.%20T-II.pdf> (дата доступа 08.01.2024).

30. Измайлов И.Л. Балымерские курганы: проблемы этнокультурной интерпретации // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». 17 марта 2009 г. Сб. статей / Отв. ред и составитель И.М.Миргалеев. Вып. 1. Казань: Изд. «Фэн» АН РТ, 2009. С. 276–281.

31. Измайлов И.Л. Булгарский улус: Булгар и другие эмираты // История татар с древнейших времен в семи томах. Том III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009. С. 448–470.

32. Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука, 1978. 129 с.

33. Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны: проблемы взаимодействия. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 208 с.

34. Казаков Е.П. Памятники Иско-Бельского междуречья // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т.6. Средние века (вторая треть XIII – первая половина XV вв.). Эпоха Золотой Орды (Улуса Джучи) / Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; под общ. ред. А.Г.Ситдикова; отв. ред. В.С. Баранов. Казань: Изд-во АН РТ, 2022. С. 359–367.

35. Казаков Е.П., Чижевский А.А., Лыганов А.В. Меллятамакское VI селище чияликской культуры // Поволжская археология. 2016. №2 (16). С. 219–242.

36. Кастанье Ж.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Вып. XXII. Оренбург, 1910. 332 с.

37. Кузеев Р.Г. Собрание научных трудов: в 7 т. Т.4 / ИЭИ УНЦ РАН. Уфа: Китап, 2016. 528 с.
38. Курманов Р.Г. Изучение сукцессий растительных сообществ городища Уфа II методом спорово-пыльцевого анализа // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. №4 (31). С. 175–184.
39. Куфтерин В.В., Насретдинов Р.Р. Антропологическая экспертиза останков из погребений некрополя у мавзолея Тура-хана // Уфимский археологический вестник. Том 23. №1. 2023. С. 84–108.
40. Марина Горбунова. Легенды о Башне Тамерлана. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vk.com/wall562344176_1726 (дата доступа 08.01.2024).
41. Моргунова Н.Л., Краева Л.А., Матюшко И.В. Курганный могильник Мустаево V // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VII. Оренбург: Госпедуниверситет. Оренбург: Издательство ОГПУ, 2004. С. 5–49.
42. Населенные пункты Башкортостана. Ч. I. Уфимская губерния, 1877. Уфа: Китап, 2002. 432 с.
43. Овсянников В.В. К вопросу о времени создания укреплений Охлебининского и Шиповского городищ // От древности к новому времени (проблемы истории и археологии). Вып. VIII / Отв. ред. Н.А.Мажитов. Уфа: РИО БашГУ, 2005. С. 56–62.
44. Овсянников В.В., Юсупов Р.М. Золотоордынское погребение у д. Удрякбаш // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. 2004. С. 283–284.
45. Павловский П. Мечеть Хусейн-Бека (в Оренбургской губернии) // ж. Москвитянин. Ч. II. №3. 1843. С. 234–246.
46. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санктпетербургской Императорской Академии наук. Часть вторая. Книга вторая. 1770 год. СПб.: Императорская Академия наук., 1786. 476 с.
47. Пигарев Е.М. Монеты в погребениях Золотой Орды // Степи Евразии в эпоху средневековья: Сб. науч. ст. / Гл. ред. Евглевский А.В.; Ин-т археологии НАН Украины; Донецкий гос. ун-т. Т. 1. Донецк: ДонГУ, 2000. С. 283–301.
48. Руденко К.А. Балымерский курганный могильник эпохи Золотой Орды: вопросы датировки // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». 17 марта 2009 г. Сб. статей / Отв. ред и составитель И.М.Миргалеев. Вып. 1. Казань: Изд. «Фэн» АН РТ, 2009. С. 282–294.
49. Руденко К.А. Кочевники в Булгарском Улусе Золотой Орды (по данным археологии) // Поволжская археология. №2 (4) 2017. С. 189–211.
50. Руденко К.А. Булгарский Улус Золотой Орды во второй половине XIII – начале XV века: историко-археологический очерк // *Rex Mongolica* и евразийские потрясения XIII–XIV веков. *Stratum plus*. №6. 2016. С. 107–149.
51. Русланов Е.В. Горновский археологический комплекс золотоордынского времени в Предуралье: к 60-летию научного изучения // Археология Евразийских степей. №6. 2022. С. 253–267.
52. Русланов Е.В. Селище Ябалаклы-I: новые материалы по чияликской культуре Южного Предуралья // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2023. Т. 22. №5. С. 118–130.
53. Рычков Н.П. Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в Киргиз-Кайсацкие степи в 1771 году. СПб.: Императорская Академия наук, 1772. 104 с.
54. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Уфа: Китап, 1999. 312 с.
55. Тузбеков А.И. Кашинная керамика с селища Подымалово I (по результатам раскопок 2019 года) // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33, №4. С. 157–165.
56. Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М.: Наука, 1984. 214 с.

57. Якимов А.С., Дёмкин В.А., Алексеев А.О. Природные условия степей Нижнего Поволжья в эпоху средневековья (VIII–XIV вв. н.э.). М.: НИИ Природа, Фонд «Инфосфера», 2007. 228 с.

REFERENCES

1. Antonov I.V. Ethnic history of the Volga-Ural region in the 13th – early 15th centuries. (historical and archaeological research). Ufa: RA “Informreklama”, 2006. 236 p. (In Russian)
2. Antonov I.V. Bashkirs in the Middle Ages (essays on ethnic and political history). Ufa: IP Galiullin D.A., 2012. 308 p. (In Russian)
3. Antonov I.V. Akkulaevsky burial and its place in the ethnic history of the Southern Urals. *Archaeological heritage of the Urals: from the first discoveries to fundamental scientific knowledge (XX Ural Archaeological Meeting): materials of the All-Russian (with international participation) scientific conference*. Izhevsk: Institute of Computer Research, 2016, pp. 277–280. (In Russian)
4. Akhatov A.T., Bakhshiev I.I., Tuzbekov A.I., Kamaleev E.V. Village Podymalovo-1 in the Urals: a new monument of the Golden Horde era in Bashkiria (preliminary results). *Istoriya nauki i tekhniki = History of science and technology*. 2018, no. 4, pp. 28–32. (In Russian)
5. Bashkir genealogies. Authors of preface, explanations to the translation, trans. in Russian language, afterword and index R.M. Bulgakov, M.Kh. Nadergulov; Scientific supervisor R.G.Kuzeev. Ufa: Kitap, 2002, Iss. 1. 480 p. (In Russian)
6. Bashkir folk art. Volume 2. Traditions and legends. Compilation, introductory study and commentaries F.A.Nadrshina. Ufa: Bashkir Book Publishing House, 1987. 576 p. (In Russian)
7. Botalov S.G., Garustovich G.N., Yaminov A.F. New materials on the mausoleums of Trans-Urals and Central Kazakhstan. *Heritage of Centuries. Protection and study of archaeological monuments in Bashkortostan*. Vol. 1. Collection of articles. Ed. M.F.Obydenov. Ufa, 1995, pp. 148–165. (In Russian)
8. Vasiliev D.V. Women’s burial in the raw mausoleum of the Golden Horde. *Antiquities of the Volga-Don steppes*. Volgograd, 1998, pp. 101–112. (In Russian)
9. Vasiliev D.V. Islamization and funeral rites in the Golden Horde (archaeological and statistical research). Astrakhan: Astrakhan University Publ., 2009. 179 p. (In Russian)
10. Velyaminov-Zernov V.V. Monument with an Arab-Tatar inscription in Bashkiria. *Proceedings of the Eastern Branch of the Imperial Archaeological Society*. Ed. V.R. Rosen. Part 4. St. Petersburg: Type-I Imp. AN, 1859, pp. 257–284. (In Russian)
11. Garustovich G.N. Once again about the dating of Muslim brick mausoleums of the steppe strip of the Volga-Ural region. *Golden Horde civilization*, Iss. 5, 2012, pp. 126–136. (In Russian)
12. Garustovich G.N. On the issue of the chronology of brick mausoleums in the steppe zone of the Southern Urals and Western Kazakhstan. *Vestnik VEGU*, 2013, no. 1(63), pp. 108–113. (In Russian)
13. Garustovich G.N. “Theory of mausoleums” or regional features of the cult memorial architecture of the Ural-Volga region of the Golden Horde era (historical and ethnographic aspects of the problem). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2014, no. 2(4), pp. 95–119. (In Russian)
14. Garustovich G.N., Ivanov V.A. Materials on the archeology of medieval nomads of the Southern Urals (9th–15th centuries AD): monograph. Ufa: BSPU Publishing House, 2014. 328 p. (In Russian)

15. Garustovich G.N. Chiyalik archaeological culture of the Middle Ages in the Southern Urals. *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik = Ufa Archaeological Bulletin*, 2015, vol. 15, pp. 181–198. (In Russian)

16. Garustovich G.N. Syntashtamak mounds. *Bashkir Encyclopedia*. Vol. 6. "Scientific publishing house Bashkir Encyclopedia." Ufa, 2010, pp. 185–186. (In Russian)

17. Garustovich G.N. Muslim mausoleums of the Golden Horde period. *History of the Tatars of the Western Urals. Vol. I. Nomads of the Great Steppe in the Urals. Tatar medieval states*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2016, pp. 177–184. (In Russian)

18. Garustovich G.N., Nechvaloda A.I. Medieval stone mausoleums of Bashkortostan (history, archeology, bioanthropology). Ufa: Kitap, 2020. 400 p. (In Russian)

19. Demkin V.A., Demkina T.S. Archaeological soil science: a new direction in the study of ancient and medieval history of nature and society. *Archeology of the Volga-Ural region in the era of the early Iron Age and the Middle Ages*. Volgograd, 1999, pp. 343–366. (In Russian)

20. Efimova A.M. Burial ground on Babii Hill of the Bolgar settlement. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR = Materials and research on the archeology of the USSR*, no. 80. Proceedings of the Kuibyshev archaeological expedition. Vol. III. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1960, pp. 169–194. (In Russian)

21. Zilivinskaya E.D. Architecture of the Golden Horde. Part 1. Religious architecture. Kazan: Fatherland, 2014. 228 p. (In Russian)

22. Ivanov V.A. Perception of Islam by the nomads of the Golden Horde. *Golden Horde Heritage: Materials of the VII International Golden Horde Forum "The civilizational significance of the adoption of Islam by the Volga Bulgaria and the Golden Horde: integration processes in the medieval history of Russia"*, Kazan, December 14–16, 2022. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2023, iss. 5, pp. 63–67. (In Russian)

23. Ivanov V.A. Ishtyaki according to archeological data. *Ishtyaki: the Ural-Siberian borderlands*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2019, pp. 84–91. (In Russian)

24. Ivanov V.A., Zlygostev V.A. Bashkir yurt of the Golden Horde (1236–1437). Ufa: Kitap, 2021. 272 p. (In Russian)

25. Ivanov I.V., Vasiliev I.B. Man, nature and soils of the Ryn-sands of the Volga-Ural region in the Holocene. Moscow: Intelligence, 1995. 264 p. (In Russian)

26. Ignatovich G. About ancient monuments in the Ufa district. *Collection of statistical, historical and archaeological information on the former Orenburg and current Ufa provinces, collected and developed during 1866 and 67*. Ed. N.A. Gurvich. Ufa: In the printing house of the Ufa provincial government, 1868, pp. 29–30. (In Russian)

27. Ignatiev R.G. Monuments of prehistoric antiquities of the Ufa province. *Memorial book of the Ufa province with a statistical map of the province*. Ed. N.A. Gurvich. Part 1. Ufa: Type-I of the Provincial Government, 1873. (In Russian)

28. Ignatiev R.G. Monuments of prehistoric antiquities of the Ufa province, such as: ancient buildings, fortifications, Nogai ramparts, mounds, ancient finds, etc. *Reference book of the Ufa province*. Ufa, 1883, pp. 328–355. (In Russian)

29. Ignatiev R.G. Ancient buildings in the Trinity district of the Orenburg province. *Collected works (Ufa and Orenburg period)*. Executive editor V.A. Labuzov; compiled by M.I. Rodnov. Vol. II: 1866–1868. Ufa [Electronic resource], 2011. 290 p. Available at: <http://mrodnov.ru/fr/5/public/Ruf.%20T-II.pdf> (access 08.01.2024). (In Russian)

30. Izmailov I.L. Balymer mounds: problems of ethnocultural interpretation. *Golden Horde Heritage. Materials of the International Scientific Conference "Political and socio-economic history of the Golden Horde (13th–15th centuries)"*. March 17, 2009. Collection of articles. Edited and compiled by I.M. Mirgaleev. Vol. 1. Kazan: Fen Publ., 2009, pp. 276–281. (In Russian)

31. Izmailov I.L. Bulgar ulus: Bulgar and other emirates. *History of the Tatars from ancient times in seven volumes. Vol. III. Ulus Jochi (Golden Horde). 13th – mid-15th centuries*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2009, pp. 448–470. (In Russian)
32. Kazakov E.P. Monuments of the Bulgar era in the eastern regions of Tataria. Moscow: Nauka, 1978. 129 p. (In Russian)
33. Kazakov E.P. Volga Bulgars, Ugrians and Finns: problems of interaction. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2007. 208 p. (In Russian)
34. Kazakov E.P. Monuments of the Iksko-Belsky interfluvium. *Archeology of the Volga-Ural region*. In 7 volumes. Vol. 6. Middle Ages (second third of the 13th and first half of the 15th centuries). The era of the Golden Horde (Ulus Jochi); A.Kh. Khalikov Institute of Archeology of the Tatarsnan Academy of Sciences; under general ed. A.G. Sitdikov; resp. ed. V.S. Baranov. Kazan: Nauka, 2022, pp. 359–367. (In Russian)
35. Kazakov E.P., Chizhevsky A.A., Lyganov A.V. Mellyyatamak VI settlement of the Chiyalik culture. *Povolzhskaya Arkheologiya=The Volga River Region Archaeology*, 2016, no. 2 (16), pp. 219–242. (In Russian)
36. Castanet J.A. Antiquities of the Kyrgyz steppe and Orenburg region. *Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission*. Vol. XXII. Orenburg, 1910. 332 p. (In Russian)
37. Kuzeev R.G. Collection of scientific works: in 7 volumes. Vol. 4. Ufa: Kitap, 2016. 528 p. (In Russian)
38. Kurmanov R.G. Study of succession of plant communities of the Ufa II settlement by the method of spore-pollen analysis. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii = Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*, 2015, no. 4 (31), pp. 175–184. (In Russian)
39. Kufterin V.V., Nasretidinov R.R. Anthropological examination of remains from the burials of the necropolis at the Tura Khan mausoleum. *Ufimskiy arkheologicheskij vestnik = Ufa Archaeological Bulletin*, 2023, vol. 23, no. 1, pp. 84–108. (In Russian)
40. Marina Gorbunova. Legends of the Tower of Tamerlane. [Electronic resource]. Available at: https://vk.com/wall562344176_1726 (access 08.01.2024). (In Russian)
41. Morgunova N.L., Kraeva L.A., Matyushko I.V. Kurgan burial ground Mustaev V. *Archaeological monuments of the Orenburg region*. Vol. VII. Orenburg: State Pedagogical University. Orenburg: OGPU Publishing House, 2004, pp. 5–49. (In Russian)
42. Settlements of Bashkortostan. Part I. Ufa province, 1877. Ufa: Kitap, 2002. 432 p. (In Russian)
43. Ovsyannikov V.V. On the question of the time of creation of the fortifications of the Okhlebininsky and Shipovskiy settlements. *From antiquity to modern times (problems of history and archeology)*, vol. VIII. Rep. ed. N.A. Mazhitov. Ufa: RIO BashGU, 2005, pp. 56–62. (In Russian)
44. Ovsyannikov V.V., Yusupov R.M. Golden Horde burial near the Udryakbash village. *Ufimskiy arkheologicheskij vestnik = Ufa Archaeological Bulletin*. 2004, Iss. 5, pp. 283–284. (In Russian)
45. Pavlovsky P. Husein-bek Mosque (in the Orenburg province). *Moskvityanin = Muscovite*. 1843, part II, no. 3, pp. 234–246. (In Russian)
46. Pallas P.S. Travel to different places of the Russian state at the behest of the St. Petersburg Imperial Academy of Sciences. Part two. Book two. 1770 St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences., 1786. 476 p. (In Russian)
47. Pigarev E.M. Coins in the burials of the Golden Horde. *Steppes of Eurasia in the Middle Ages: collection of scientific articles*. Ch. ed. Evglevsky A.V.; Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine; Donetsk state univ. Vol. 1. Donetsk: DonSU, 2000, pp. 283–301. (In Russian)
48. Rudenko K.A. Balymer burial mound of the Golden Horde era: dating issues. *Golden Horde Heritage. Materials of the International Scientific Conference "Political and*

socio-economic history of the Golden Horde (13th–15th centuries)”. March 17, 2009. Collection of articles. Ed.-in-chief I.M. Mirgaleev. Vol. 1. Kazan: Publishing house. "Fen" of the Tatarstan Academy of Sciences, 2009, pp. 282–294.

49. Rudenko K.A. Nomads in the Bulgar Ulus of the Golden Horde (according to archaeological data). *Povolzhskaya Arkheologiya=The Volga River Region Archaeology*, 2017, no. 2(4), pp. 189–211. (In Russian)

50. Rudenko K.A. Bulgar Ulus of the Golden Horde in the second half of the 13th – early 15th centuries: historical and archaeological essay. *Pax Mongolica and Eurasian upheavals of the 13th–14th centuries. Stratum plus*, 2016, no. 6, pp. 107–149. (In Russian)

51. Ruslanov E.V. Gornovsky archaeological complex of the Golden Horde period in the Cis-Urals: to the 60th anniversary of scientific study. *Arkheologiya Evraziyskikh stepey =Archeology of the Eurasian steppes*, 2022, no. 6, pp. 253–267. (In Russian)

52. Ruslanov E.V. Village Yabalakly-I: new materials on the Chiyalik culture of the Southern Urals. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, philology*. 2023, vol. 22, no. 5, pp. 118–130. (In Russian)

53. Rychkov N.P. Day notes of captain Nikolai Rychkov's journey to the Kyrgyz-Kaisat steppes in 1771. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1772. 104 p. (In Russian)

54. Rychkov P.I. Topography of the Orenburg province. Ufa: Kitap, 1999. 312 p. (In Russian)

55. Tuzbekov A.I. Kashin ceramics from the settlement of Podymalovo I (based on the results of excavations in 2019). *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy = Theory and practice of archaeological research*. 2021, vol. 33, no. 4, pp. 157–165. (In Russian)

56. Fakhruddinov R.G. Essays on the history of Volga Bulgaria. Moscow: Nauka, 1984. 214 p. (In Russian)

57. Yakimov A.S., Demkin V.A., Alekseev A.O. Natural conditions of the steppes of the Lower Volga region in the Middle Ages (13th–14th centuries AD). Moscow: NIA Priroda, Infosphere Foundation, 2007. 228 p. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Владимир Александрович Иванов – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (450008, ул. Октябрьской революции, 3А, Уфа, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-7243-2588. E-mail: ivanov-sanych@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir A. Ivanov – Dr. Sci. (History), Professor of the Department of Russian and World History, Akmulla Bashkir State Pedagogical University (3A, October Revolution Str., Ufa 450008, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7243-2588. E-mail: ivanov-sanych@inbox.ru

Поступила в редакцию / Received 09.01.2024

Поступила после рецензирования / Revised 28.02.2024

Принята к публикации / Accepted 04.03.2024